

ЦЕНТР АПОЛОГЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

...подвизаться за веру, однажды преданную святым (Иуда 3)

C-048

ПОВЛИЯЛИ ЛИ НА НОВЫЙ ЗАВЕТ ЯЗЫЧЕСКИЕ РЕЛИГИИ?

Рональд Нэш

Многие студенты христианских колледжей встречались с критикой христианства, основанной на утверждении, что раннее христианство и Новый Завет заимствовали важные догмы и обряды из различных языческих мистических религий. Поскольку эти утверждения подрывают такие центральные христианские учения как смерть и воскресение Христа, подобные обвинения весьма серьезны. Но подтверждения этих обвинений, даже если они существуют, часто берутся из источников, которые на несколько столетий древнее Завета. Зачастую эти якобы существующие параллели являются результатом того, что либеральные ученые произвольно описывают языческие верования и обряды в христианских терминах, а затем удивляются «поразительному сходству».

В первой половине двадцатого века многие либеральные авторы и профессора утверждали, что учение Нового Завета о смерти и воскресении Иисуса, рождении свыше, а также христианские таинства крещения и причастия, были заимствованы из языческих мистических религий. Наибольшую озабоченность вызывают обвинения в том, что учение Нового Завета о спасении созвучно темам, часто встречающимся в мистических религиях: бог-спаситель умирает жестокой смертью ради тех, кого ему предстоит освободить, после чего он возвращается к жизни.

Повлияли ли на Новый Завет языческие религии первого сто-

летия н. э.? Хотя я рассмотрел данный вопрос в книге, вышедшей в 1992 г.¹, проблема настолько важна — особенно для студентов христианских колледжей, которые часто не знают, где найти ответ, — что ее следует рассмотреть в популярном, не академическом, изложении.

Что представляли собою мистические религии

После иудаизма и христианства мистические религии пользовались наибольшим влиянием в первые столетия новой эры. Причина, по которой эти культы называли «мистическими религиями», заключается в том, что они вклю-

чали в себя тайные обряды, известные только посвященным. Главной целью этих церемоний считалось своего рода спасение.

Мистические религии конечно были не единственным проявлением религиозного духа на востоке Римской империи.

Существовали общедоступные культы, не требующие обряда посвящения в тайные верования и обряды. Примерами таких религий являются греческая олимпийская религия и ее римская версия.

Каждый средиземноморский регион породил свою собственную мистическую религию. Из Греции вышли культы Деметры и Диониса, а также мистические религии, связанные с Элевзин-

НАШИ АДРЕСА:

РОССИЯ • 194044 С-Петербург, а/я 954, Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Russia@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>
УКРАИНА • 01001 Киев-1 а/я В-92 Центр Апологетических Исследований • E-MAIL: Ukraine@ApolResearch.org • <http://www.ApolResearch.org>

скими таинствами и культом Орфея, которые возникли позже². В Малой Азии возник культ Кибелы, Великой Матери, и ее возлюбленного, пастуха по имени Аттис. Культ Исиды и Осириса (которого впоследствии заменил Серапис) возник в Египте, а в Сирии и Палестине зародился культ Адониса. Наконец, Персия (Иран) была основным и одним из первых мест распространения культа Митры, который, благодаря часто используемым в нем образам войны, имел особую привлекательность для римских солдат.

Ранние греческие мистические религии были государственными религиями в том случае, если они достигли статуса общественного гражданского культа и служили национальным или общенародным интересам. Поздние не-греческие мистерии были личными, частными и индивидуалистическими.

ОСНОВНЫЕ ЧЕРТЫ

Следует избегать предположений о том, что существовала одна общая мистическая религия. Хотя после 300 г. н. э. и стала развиваться тенденция к эклектизму и синтезу, каждый из мистических культов был отдельной и отличной от других религией в тот период, когда возникла христианская Церковь. Более того, все мистические культы принимали различные формы в различной культурной среде и претерпели значительные изменения, особенно после 100 г. н. э. Тем не менее, мистические религии имели пять общих черт.

1) Центральное место в каждом мистическом культе занимал ежегодный вегетационный цикл, в ходе которого жизнь обновляется каждую весну и умирает каждую осень. Последователи мистических культов находили глубокий символический смысл в естественных процессах роста, смерти, разложения и возрождения.

2) Как было отмечено выше, каждый культ придавал большое

значение тайным обрядам, или мистериям, часто связанным с обрядом посвящения. Каждая мистическая религия также передавала посвящаемому «тайну», которая содержала информацию о жизни бога или богини и о том, каким образом человек мог достичь единения с этим богом. Это «знание» всегда было тайным (эзотерическим), недоступным кому-либо вне культа.

3) Центром каждой мистерии был миф, в котором божество либо возвращалось к жизни после смерти, либо иным образом одерживало верх над своими врагами. В каждом мифе обязательно присутствовала тема освобождения от всего земного и временного. Тайное значение культа и сопутствующего мифа выражалось в виде «сакраментальной драмы», которая была обращена прежде всего к чувствам и эмоциям посвящаемых. Религиозный экстаз должен был привести их к мысли, что они переживают начало новой жизни.

4) Мистерии обходились совсем или почти совсем без учения и правильных взглядов. Они главным образом касались эмоциональной жизни своих последователей. Культы использовали много различных способов воздействия на эмоции и воображение посвящаемых с целью создать у них ощущение «единения с богом»: процессии, посты, спектакли, акты очищения, ослепляющий свет и тайные ритуалы. Это отсутствие какой-либо опоры на истинную веру составляло важное отличие мистических культов от христианства. Христианская вера была «замкнутой» в том смысле, что она признавала единственный законный путь к Богу и спасению: Иисуса Христа. Мистические культы были «открытыми» в том смысле, что ничто не мешало последователю одного культа принимать участие в других мистериях.

5) Первоочередной целью посвященных было мистическое переживание, которое приводило их

к ощущению, что они достигли единения со своим богом. Помимо этого поиска мистического единения существовали еще две более высокие цели: освобождение или спасение и бессмертие.

ЭВОЛЮЦИЯ

До 100 г. н. э. мистические религии были в значительной степени ограничены определенными территориями и представляли собой еще относительно новое явление. После 100 г. н. э. они постепенно начинают приобретать все большее влияние, распространяясь по всей Римской империи. Но они также претерпевают значительные изменения, как правило в результате проникновения элементов одних культов в другие. По мере того, как приверженцы мистических культов становились все более эклектичными в своих верованиях и обрядах, начинали возникать новые и необычные сочетания старых культов. И по мере того, как культы начинали смягчать наиболее предосудительные черты своих старых обрядов, они начинали привлекать все большее число последователей.

КАК ВЫГЛЯДЕЛИ МИСТЕРИИ

Подавляющее большинство первоисточников (т. е. информации о мистических религиях из документов того времени), которые позволяют относительно полно воссоздать их содержание, было создано не ранее III века н. э. Слишком многие авторы, используя эти поздние первоисточники (после 200 г. н. э.), воссоздают мистические обряды III века, а затем пускаются в рассуждения о том, как по их мнению, эти культы должны были выглядеть в более раннюю эпоху. Эта практика является примером чрезвычайно плохой научной методологии, и ее нельзя оставить без должного ответа. На основе информации о культе, датированной несколькими столетиями позже завершения канона Нового

Завета, нельзя делать выводы о том, каким был этот культ в I веке н. э. Важнейший вопрос состоит не в том, какое влияние мистические религии могли оказать на некоторые части христианского мира после 400 года н. э., но в том, какое влияние зарождающиеся мистические культы могли оказать на Новый Завет в первом веке.

КУЛЬТ ИСИДЫ И ОСИРИСА

Культ Исиды возник в Египте и в своем развитии прошел две основные стадии. В древнеегипетском варианте, который не был мистической религией, Исида считалась богиней неба, земли, моря и невидимого подземного мира. На этой ранней стадии у Исиды был супруг по имени Осирис. Культ Исиды стал мистической религией лишь после того, как Птолемей I внес в него существенные изменения, т. е. где-то после 300 года до н. э. В более поздние времена супругом Исиды стал новый бог по имени Серапис. Птолемей внес эти изменения, чтобы примирить египетские и греческие воззрения в своем царстве и таким образом ускорить эллинизацию Египта.

Выйдя за пределы Египта, культ Исиды постепенно достиг Рима. Сперва римляне его отвергли, но эта религия все же проникла в город во время правления Калигулы (37-41 гг. н. э.). В последующие два столетия ее влияние постепенно распространялось, и в некоторых местах она стала главным соперником христианства. Успех культа в Римской империи, возможно, был связан с его впечатляющим ритуалом и надеждой на бессмертие, которую он предлагал своим последователям.

На раннеегипетской немистической стадии развития миф об Исиде касался ее супруга Осириса. Согласно наиболее распространенной версии этого мифа, Осирис был убит своим братом, который затем бросил гроб с те-

лом Осириса в реку Нил. Исида нашла тело и возвратила его в Египет. Но убийца вновь завладел телом, расчленил его на 14 кусков и разбросал их на большой территории. После долгих поисков Исиды собрала все части тела. Именно с этого момента чрезвычайное значение приобретает язык, которым описываются все последующие события. Иногда пересказчик довольствуется тем, что просто констатирует факт: Осирис вернулся к жизни, и тем самым уже заходит гораздо дальше, чем позволяет миф. Некоторые авторы идут еще дальше и ссылаются на якобы имевшее место «воскресение» Осириса. Работа одного либерального исследователя показывает, насколько предвзятыми могут быть люди, когда они описывают языческий миф «христианским» языком: «Мертвое тело Осириса плывало в Ниле, и он вернулся к жизни, что свершилось благодаря крещению в водах Нила»³.

Такое искаженное и неряшливое использование языка навязывает читателю три несуществующих параллели между Осирисом и Христом: 1) бог-спаситель умирает и 2) претерпевает воскресение, сопровождаемое 3) крещением водой. Но эти «анalogии», равно как и язык, используемый для их описания, оказываются измышлениями современного исследователя, а не частью оригинального мифа. Сравнения между воскресением Иисуса и воскресением Осириса сильно преувеличены⁴. Не каждая версия мифа говорит о возвращении Осириса к жизни, в некоторых он просто становится властелином подземного царства. Столь же нелепыми являются попытки найти в мифе об Осирисе аналогию христианскому крещению⁵. Судьба гроба с телом Осириса в Ниле имеет не большее отношение к крещению, чем наводнение, погубившее Атлантиду.

Как уже было сказано, в более поздние времена мужским божеством культа Исиды был уже не умирающий Осирис, а Серапис.

Серапис часто изображался богом солнца, и он явно не был умирающим богом. В таком случае, он, очевидно, не мог быть и воскресающим богом. Таким образом, надо помнить, что порожденная Птолемеем мистическая версия культа Исиды, которая была в обиходе примерно с 300 г. н. э. и на протяжении первых веков христианской эры, не содержала ничего, что напоминало бы умирающего и воскресающего бога-спасителя.

КУЛЬТ КИБЕЛЫ И АТТИСА

Кибеле, также известной как Великая Мать, поклонялась значительная часть эллинистического мира. Она, несомненно, появилась как богиня природы. Ее ранний культ содержал обряды, сопровождаемые оргиями, во время которых обезумевшие мужчины-почитатели Кибелы оскотряли себя, становясь «Галли», или жрецами-евнухами этой богини. В конце концов, Кибела стала матерью всех богов и госпожой всего живущего.

Большая часть того, что мы знаем об этом культе, относится к позднему римскому периоду. Но детали весьма скудны, и почти все письменные источники были созданы достаточно поздно, и, конечно, значительно позже завершения канона Нового Завета.

Согласно мифу, Кибела любила пастуха по имени Аттис. За неверность она лишила его разума. Охваченный безумством, Аттис оскотрял себя и умер. Это повергло Кибелу в великую скорбь, и в мир пришла смерть. Но затем Кибела вернула Аттиса к жизни, и это возвратило к жизни мир природы.

На язык, которым описываются события, последовавшие за смертью Аттиса, нередко влияют личные убеждения переводчика. Многие авторы, не задумываясь, пишут о «воскресении» Аттиса. Но это явное преувеличение. В самом мифе нет ни намека на что-либо, напоминающее воскресение, — Кибела сумела только сохранить

мертвое тело Аттиса. Кроме того, упоминается о том, что на теле Аттиса продолжали расти волосы, и его мизинец мог чуть-чуть шевелиться. В некоторых версиях мифа возвращение Аттиса к жизни выглядит как превращение в вечно-зеленое дерево. Так как в основе мифа лежит идея о годовом вегетационном цикле, какое-либо сходство с телесным воскресением Христа сильно преувеличено.

Со временем публичное воспроизведение мифа об Аттисе стало ежегодным событием, в котором почитатели культа Кибелы оплакивали мертвого Аттиса, постясь и занимаясь самобичеванием.

Только в позднеримских празднествах в честь весны (после 300 года н. э.) появилось нечто отдаленно связанное с «воскресением». Сосновое дерево, символизирующее Аттиса, срубали, а затем несли, подобно мертвому телу, в святилище. Позже, во время празднеств дерево хоронили, а посвящаемые доводили себя до безумия и при этом наносили ножом глубокие раны. На следующую ночь «могилу» дерева раскапывали и праздновалось «воскресение Аттиса». Но язык этих поздних источников весьма двусмыслен. По правде говоря, никаких ясных, недвусмысленных описаний предполагаемого «воскресения» Аттиса не появляется даже в поздней литературе, начиная с IV в. н. э.

ПРИНЕСЕНИЕ В ЖЕРТВУ БЫКА

Самым известным ритуалом культа Великой Матери было принесение в жертву быка. Но важно отметить, что этот ритуал не был частью культа в ранние времена. Он стал частью религии где-то во 2-ой половине II века н. э.

Во время этого обряда посвящаемые стояли или сидели, наклонясь, в яме, в то время как на платформе над их головами закалывали быка⁶. Затем посвящаемые купались в теплой крови умирающего животного. Некоторые

утверждают, что ритуал жертвоприношения быка породил христианские выражения об омовении кровью Агнца (Отк. 7:14) или окроплении Кровью Иисуса (1 Пет. 1:2). На этот ритуал также ссылались как на источник учения Павла в Рим. 6:1-4, где апостол описывает христианское крещение, как отождествление христианина со смертью и воскресением Христа.

Однако никакая идея о смерти и воскресении не лежала в основе обряда жертвоприношения быка. Наиболее достоверные источники вынуждают нас датировать этот ритуал примерно столетием позже того, как Павел написал свое Послание к римлянам. Ни один из имеющихся текстов не подтверждает того, что жертвоприношение быка увековечивало память о смерти и «воскресении» Аттиса. Этот языческий обряд не мог быть источником проповедей Павла в 6-й главе его Послания к римлянам. Только к концу IV в. н. э. в обряде появляется идея возрождения. Несколько крупных ученых видят в этом позднейшем добавлении влияние христианства⁷. Очевидно, что хронологическое развитие этого обряда делает невозможным его влияние на христианство первых веков. Учение Нового Завета о пролитой крови следует рассматривать в контексте его ветхозаветных образов — еврейской пасхи и обряда жертвоприношения в храме.

МИТРАИЗМ

Попытки воссоздать верования и обряды митраизма наталкиваются на огромные трудности вследствие недостатка сохранившейся информации. Последователи культа объясняют мир в терминах двух основных и противостоящих друг другу начал: доброго (описываемого как свет) и злого (тьма). Человеческие существа должны выбрать, на чьей стороне они будут сражаться, т. к. они вовлечены в конфликт между светом и тьмой. Митру стали считать самым могущественным посредни-

ком, способным помочь человеческим существам отражать атаки демонических сил⁸.

Главная причина, по которой митраизм не мог повлиять на христианство первых веков — это хронология. Здесь все не совпадает! Расцвет митраизма произошел уже после завершения канона Нового Завета и потому не мог оказать влияние на что-либо, записанное в Новом Завете⁹. Более того, один памятник этого культа не может быть отнесен к периоду ранее 90-100 гг. н. э., и даже эта датировка является чрезвычайно широким допущением. Хронологические неувязки, таким образом, делают влияние митраизма на раннее христианство практически невероятным. И это, конечно, не оставляет нам никаких достоверных свидетельств такого влияния.

ПОРАЗИТЕЛЬНЫЕ АНАЛОГИИ

Я уже сказал достаточно, чтобы позволить себе прокомментировать одну из главных ошибок вышеупомянутых либеральных исследователей. Я имею в виду постоянство, с которым их работы свидетельствуют о необдуманном, даже неряшливом употреблении словесных конструкций. Часто можно встретить ученых, которые сперва употребляют христианскую терминологию для описания языческих верований и обрядов, а затем удивляются обнаруженному «поразительному сходству». Можно привести множество «доказательств» зависимости раннего христианства от мистических культов, описывая некоторые мистические верования и обряды в христианской терминологии. Так поступает Дж. Годвин в своей книге *Mystery Religions in the Ancient World* («Мистические религии в Древнем мире»), в которой принесение в жертву ягненка описывается как «крещение кровью», при котором посвящаемый «омывается в крови

агнца»¹⁰. Не очень сведующие читатели, возможно, будут ошеломлены таким поразительным сходством с христианством (см. Отк. 7:4), но более знакомые с вопросом увидят в таком утверждении признак сильного предубеждения против христианства.

Такого рода литература изобилует преувеличениями и чрезмерно упрощенными суждениями. Здесь можно встретить непомерно раздутые утверждения о якобы имеющем место сходстве крещения и причастия с подобными «тайнствами» в некоторых мистических религиях. Попытки найти параллели между воскресением Христа и так называемым «воскресением» мистических божеств содержат большое количество упрощений и невнимания к деталям.

Языческие ритуалы и христианские тайнства

Уже один тот факт, что в христианстве имеется священная трапеза и омовение тела якобы «доказывает» что эти обряды были заимствованы из подобных церемоний в языческих культах. Само по себе, конечно, это внешнее сходство ничего не доказывает. В конце концов, религиозные обряды могут принимать только ограниченное количество форм, и все они, естественно, будут связаны с важными или привычными сторонами человеческой жизни. Более важным вопросом является смысл языческих обрядов. Обряды омовения, существовавшие до Нового Завета, имеют иной смысл, нежели новозаветное крещение, а языческие омовения, существовавшие после 100 г. н. э. уже не могли повлиять на Новый Завет, и, более того, сами могли возникнуть под влиянием христианства¹¹. Священные трапезы в дохристианских греческих мистериях ничего не доказывают, поскольку здесь имеет место расхождение во времени. Те греческие обряды, которые якобы оказали влияние на христиан I века, исчезли задолго до времен Христа

и Павла. Священные трапезы в таких дохристианских культах, как митраизм, появляются слишком поздно.

В отличие от ритуалов посвящения в мистических культах, христианское крещение связано с тем, что реальное историческое лицо, Иисус Христос, совершило в истории. Последователи мистических культов верили, что их «тайнства» способны дать человеку благодать бессмертия механическим или магическим образом, без того, чтобы человек претерпел какую-либо нравственную или духовную трансформацию. Это, конечно же, не соответствует взглядам Павла ни на спасение, ни на совершение христианских тайнств. В противоположность языческим ритуалам посвящения, христианское крещение не является механической или магической церемонией. Очевидно, что истоки христианского крещения не найти ни в обряде жертвоприношения быка (который в любом случае существовал после I века н. э.), ни в языческих обрядах омовения. Скорее его корни уходят в очистительные омовения, предписанные в Ветхом Завете, и иудейский обряд крещения прозелитов. Этот последний обряд, скорее всего, и был источником того, что делал Иоанн Креститель.

Из всех мистических культов только в митраизме присутствовало нечто, напоминающее причастие. Перед посвящаемым клали кусок хлеба и чашу воды, и жрец Митры произносил определенные ритуальные слова. Но позднее возникновение этого ритуала исключает предположение о его влиянии на христианство I века.

Утверждение, что тайнство причастия было заимствовано из языческих священных трапез, основано на преувеличениях и упрощениях. Предполагаемые параллели и аналогии полностью несостоятельны¹². Поиск исторических корней тайнства причастия принесет больший успех, если держаться иудейских истоков христианской веры, а не блуждать

в обрядах языческих культов. Вечеря Господня берет начало от реального исторического лица и от того, что Он совершил в истории. Поводом для установления христианского причастия послужил еврейский праздник Пасхи. Попытки найти языческие корни в обрядах крещения и причастия следует признать несостоятельными.

Смерть богов в мистических культах и смерть Иисуса

Лучшим способом оценить влияние, которое якобы оказали на ранние христианские верования о смерти и воскресении Христа языческие мифы об умирающем и воскресающем боге-спасителе, будет внимательное изучение предполагаемых аналогий. Смерть Иисуса отличается от смертей языческих богов по крайней мере по шести позициям:

1) Ни один из так называемых богов-спасителей не умер за кого-то другого. Идея о Сыне Божьем, умирающем вместо своих созданий, присуща только христианству¹³.

2) Только Иисус умер за грехи. Как отмечает Гюнтер Вагнер, «ни одному из языческих богов не приписывали намерение помочь людям. Смерть, которой они умирали, была совершенно иной (несчастный случай на охоте, самооскопление и т. п.)»¹⁴.

3) Иисус умер один раз и навсегда (Евр. 7:27; 9:25-28; 10:10-14). Напротив, боги мистических культов были божествами растительности, и их повторяющаяся смерть и воскресение отражали ежегодный цикл природы.

4) Смерть Иисуса была действительным историческим событием. Смерть богов мистических культов описывается в мифологической драме, не имеющей исторической основы; постоянное повторение этой драмы знаменует собой постоянно повторяющиеся смерть и возрождение природы. Неопровержимый факт, что ранняя

Церковь верила в реальность исторических событий, на которых основывалась проповедь смерти и воскресения Иисуса, превращает в абсурд любую попытку доказать происхождение этой веры от мифических, неисторических историй языческих культов¹⁵.

5) В отличие от богов мистических культов, Иисус умер добровольно. Ни на что подобное в мистериях нет даже намека.

6) И, наконец, смерть Иисуса была не поражением, а триумфом. Христианство абсолютно не похоже на языческие культы тем, что весть о смерти Иисуса для христиан является посланием о триумфе. Даже когда Иисус терпел боль и унижение на кресте, Он был победителем. Торжествующие интонации Нового Завета резко контрастируют с духом мистических религий, последователи которых плакали и скорбели об ужасной участи, постигшей их богов¹⁶.

Воскресший Христос и «воскресающие боги-спасители»

Какие из мистических богов на самом деле воскресли из мертвых? Ни один из ранних текстов не упоминает о воскресении Аттиса. Не лучше аргументировано и воскресение Осириса. О «воскресении» в мифах об Осирисе, Аттисе и Адонисе можно говорить только в самом широком смысле¹⁷. Например, когда Исида собрала куски расчлененного тела Осириса, он стал «Властелином подземного мира». Это очень плохая замена воскресению Иисуса Христа. А Митру вообще нельзя назвать умирающим и воскресающим богом. Течение научной мысли обернулось против попыток поставить раннее христианство в зависимость от так называемых умирающих и воскресающих богов эллинического язычества¹⁸. Любое непредвзятое исследование фактов показывает, что подобные заявления должны быть отвергнуты.

Христианское рождение свыше и культурные ритуалы посвящения

Работы либеральных авторов по данному вопросу полны огульных обобщений, из которых следует, что раннее христианство заимствовало свои идеи о рождении свыше из языческих мистических культов¹⁹. Но факты свидетельствуют, что никакого дохристианского учения о рождении свыше, которое могли бы заимствовать христиане не существовало. В сохранившихся источниках есть лишь несколько ссылок на рождение свыше, и все они являются либо очень поздними, либо очень двусмысленными. Они никак не помогут в решении вопроса о том, откуда это понятие появилось в Новом Завете. Утверждение, что в дохристианских мистериях «ритуалы посвящения» рассматривали как некое духовное возрождение, не находит поддержки ни в одном из источников, современных этим ритуалам. Вместо этого, представления, обнаруженные в значительно более поздних текстах, вкладываются в более ранние обряды, которые затем довольно голословно толкуются, как драматическое описание «нового рождения» посвящаемого. Мнение, что дохристианские мистические культы использовали термин «новое рождение», не находит подтверждения ни в одном тексте.

Большинство современных ученых придерживается мнения, что идея «рождения свыше» в мистериях (существование которой подтверждается только источниками, датированными после 300 г. н. э.) отличается от новозаветного учения столь существенно, что возможность какой-либо тесной связи между ними исключена. Максимум, на что эти ученые готовы пойти, — это признать возможным, что некоторые христиане заимствовали метафоры или образы из обычной речи

того времени и придали им новую форму, чтобы воплотить в них свои характерные богословские убеждения. Таким образом, даже если метафора «рождение свыше» имеет эллиническое происхождение, в христианстве она приобрела совершенно особое содержание²⁰.

Семь аргументов против того, что христианство находилось под влиянием мистических культов

В заключение я приведу семь аргументов, которые подрывают либеральные усилия показать, что христианство I века заимствовало свои важнейшие догмы и обряды из языческих мистических религий.

1) Аргументы, предлагаемые в «доказательство» влияния мистических культов на христианство, иллюстрирует логическую ошибку ложной причинности. Эту ошибку опускают всякий раз, когда говорят, что только потому, что два явления существуют параллельно, одно из них непременно является причиной другого. Нам всем следует знать, что простое совпадение не указывает на причинную связь. Равно и сходство не является доказательством взаимной зависимости.

2) Многие пресловутые «общие черты» христианства и мистических культов либо сильно преувеличены, либо вымышлены. Ученые часто описывают языческие ритуалы в терминах, заимствованных из христианства. Необдуманное использование языка может привести к высказываниям о «Святом Причастии» в митраизме или о «крещении» в культе Исиды. Непростительной нелепостью является использование слова «спаситель» со всем его новозаветным содержанием применительно к Осирису или Аттису, как если бы они были спасителями в таком же смысле.

3) Несоответствие в хронологии. Почти все источники информации о языческих религиях, кото-

рые якобы оказали влияние на раннее христианство, относятся к значительно более позднему времени. Часто можно встретить авторов, цитирующих документы, написанные через 300 лет после смерти Павла, в попытке найти идеи, которые могли на него повлиять. Мы должны отбросить предположения, существовавшие в том или ином культе определенных догм и обрядов в III или IV вв. н. э., доказывает, что такие же убеждения и ритуалы были свойственны этому культу и в I веке.

4) Павел никогда не стал бы сознательно заимствовать что-либо из языческих религий. Все, что мы знаем о нем, свидетельствует против предположения, что он мог находиться под влиянием языческих воззрений. Он придает особое значение своему предшествующему воспитанию, полученному в наиболее строгой форме иудаизма (Флп. 3:5). Павел предостерегал колоссян от того самого влияния, которое сторонники синкретического представления о христианстве ему приписывают, а именно от увлечения ложными философиями (Кол. 2:8).

5) Раннее христианство было замкнутой верой. Как объясняет Дж. Мэчен, мистические культы были открытыми. «Человек мог быть посвящен в культы Исида или Митры, не отказываясь от своих прежних верований. Но если человека принимали в Церковь, то, как проповедовал Павел, он должен был отказаться от всех других

спасителей ради Господа Иисуса Христа... Среди преобладающего синкретизма греко-римского мира религия Павла и религия Израиля стоят совершенно особо»²¹. Эта замкнутость христианства должна служить отправной точкой во всех рассуждениях о возможных связях между христианством и его языческими соперниками. Любой намек на синкретизм в Новом Завете вызвал бы немедленную полемику.

6) В отличие от мистических культов, религия Павла была основана на исторических событиях, которые действительно имели место. Мистицизм мистических культов был, по сути, неисторичен. Их мифы представляли собой или иллюстрации того, что претерпевал посвящаемый, а не реальные исторические события, какими Павел считал смерть и воскресение Христа. Христианское утверждение, что смерть и воскресение Христа произошли с реальным историческим лицом в конкретное время и в конкретном месте, не имеет абсолютно никакой аналогии ни в одной языческой мистической религии.

7) Немногие существующие аналогии отражают скорее влияние христианства на языческий мир. Как отмечает Брюс Метцгер, «не следует бездумно опираться на предположение, что мистические культы всегда влияли на христианство, т. к. не только возможно, но и весьма вероятно, что в некоторых случаях, влияние шло в обратном направлении»²². И не сто-

ит удивляться тому, что лидеры культов, которые христианство успешно вытесняло, должны были каким-то образом сдерживать это наступление. А был ли для этого лучший способ, чем предложить языческий суррогат? Попытки язычников противостоять растущему влиянию христианства путем подражания ему ясно просматриваются в мерах, введенных Юлианом Отступником, который был римским императором с 361 по 363 гг. н. э.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Либеральные попытки подорвать уникальность христианских откровений утверждениями о влиянии языческих религий терпят крах, как только становится доступной вся информация. Очевидно, что либеральные аргументы демонстрируют удивительно слабую научную методологию. И это заключение, возможно, еще слишком великодушно. По мнению одного автора, более точно подобную аргументацию следует охарактеризовать как «предубежденную безответственность»²³. Но чтобы полностью ознакомиться с данной проблемой, мудрый читатель потрудится изучить материалы, указанные в краткой библиографии.

Статья была напечатана в *Christian Research Journal* (Winter 1994), pp. 10-15.

ССЫЛКИ

- 1 См. Ronald Nash, *The Gospel and the Greeks* (Richardson, TX: Probe Books, 1992). Первоначально эта книга была издана в 1984 г. под названием *Christianity and the Hellenist World*.
- 2 Я вынужден опустить рассмотрение этих мистерий, см. Nash, pp. 131-136.
- 3 Joseph Klausner, *From Jesus to Paul* (New York: Macmillan, 1943), p. 104.
- 4 См. Edwin Yamauchi, «Easter — Myth, Hallucination, or History?» *Christianity Today*, 29 марта 1974, pp. 660-663.
- 5 См. G nter Wagner, *Pauline Baptism and the Pagan Mysteries* (Edinburgh: Oliver and Boyd, 1967), p. 260ff.
- 6 Поскольку быки стоили дорого, их часто заменяли баранами.
- 7 См. Nash, гл. 9.
- 8 Более подробно см. Nash, pp. 143-148.
- 9 См. Franz Cumont, *The Mysteries of Mithra* (Chicago: Open Court, 1903), p. 87ff.
- 10 Joscelyn Godwin, *Mystery Religions in the Ancient World* (New York: Harper and Row, 1981), p. 111.
- 11 См. Nash, гл. 9.
- 12 См. Herman Ridderbos, *Paul: An Outline of His Theology* (Grand Rapids: Eerdmans, 1975), p. 24.
- 13 См. Martin Hengel, *The Son of God* (Philadelphia: Fortress Press, 1976), p. 26.
- 14 Wagner, p. 284.
- 15 См. W. K. C. Guthrie, *Ortheus and Greek Religion*, 2-е изд. (London: Methuen, 1952), p. 268.
- 16 См. A. D. Nock, «Early Gentile Christianity and Its Hellenistic Background» в сборнике *Essays on the Trinity and the Incarnation* под ред. А. Е. J. Rawlinson (London: Longmans, Green, 1928), p. 106.
- 17 См. J. Gresham Machen, *The Origin of Paul's Religion* (New York: Macmillan, 1925), pp. 234-235.
- 18 См. Nash, pp. 161-199.
- 19 См. Nash, pp. 173-178.
- 20 См. W. F. Flemington, *The New Testament Doctrine of Baptism* (London: SPCK, 1948), pp. 76-81.
- 21 Machen, p. 9.
- 22 Bruce M. Metzger, *Historical and Literary Studies: Pagan, Jewish, and Christian* (Grand Rapids: Eerdmans, 1968), p. 11. Рассматриваемые здесь параллели следует датировать более поздним периодом, по меньшей мере после 200 г. н. э.
- 23 Gordon H. Clark, *Thales to Dewey* (Boston: Houghton Mifflin, 1957), p. 195.